

В серии «Другие Миры»

вышли книги:

Ника Ветрова
Университет вредной магии.
Пособие по выживанию

Галина Гончарова
Против дома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно
Горький ветер свободы
Черно-белая палитра
Чудовище и красавец
Опальный капитан.
Спасти Новую Землю
Безумный рейс

Вероника Мелан
Ассасин
Дэлл
Уровень: Магия
Бернарда
Корпорация
«Исполнение желаний»
Город Икс

Ирина Котова
Королевская кровь.
I. Сорванный венец
II. Скрытое пламя
III. Проклятый трон
IV. Связанные судьбы
V. Медвежье солнце
VI. Темное наследие
VII. Огненный путь
VIII. Расколотый мир

Ольга Гусейнова
Когда нет выбора
Сумеречный мир
Пепел на ветру
Венчанные огнем

Ольга Хусаинова
Академия Зла.
I. Испытание ведьмой
II. Быть ведьмой

Нина Бархат,
Марина Багирова
Присвоенная

Жанна Лебедева
Сиреневый черный.
Гнев единорога

Лесса Каури
Золушки из трактира
на площади
Золушка вне закона
Золушки нашего Двора
Золушка и её команда

Вероника Ягушинская
Любовь по-драконьи

Ирина Шевченко
Осторожно, женское фэнтези

Лина Алфеева
Как довести прекрасного принца

Алиса Дорн
Институт моих кошмаров.
I. Здесь водятся драконы
II. Адские каникулы
III. Никаких демонов
Сыщик и канарейка

Таис Сотер
Факультет прикладной магии.
Простые вещи
Факультет боевой магии.
Сложные отношения
Птица в клетке

Кира Стрельникова
Своенравный подарок
Бездушная
Дарья Кузнецова
Модус вивенди
Железный регент
Железный регент. Голос Немого

Ольга Романовская
Песочные часы

Юлия Григорьева
Погоня за сказкой
Погоня за сокровищем

Ирина Зволинская
Охота на дракона

Алина Полянская
Магистерия

Анна Невер
Обжигающий след
Обжигающий след.
Потерянные

Екатерина Богданова
Академия времени

Марина Александрова
Соль. Судьба первородной
Соль. Время любить

Марина Суржевская
Ветер Севера. Риверстейн
Ветер Севера. Аларания

Ольга Миклашевская
Это все магия!

Алина Лис
Маг и его кошка
Изнанка судьбы

Лариса Петров ичева
Лига дождя

Александра Черчень
Господин моих кошмаров

Евгения Сафонова
Лунный ветер

Валентина Савенко
Вдова мастера теней

Ольга Готина
Кукловод

Дана Арнаутова
Стальной подснежник

Алиса Дорн

СЫЩИҚ ҒИ ҚАНАРЕЙҚА

Издательство АСТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Станислава Дудина

Дорн, А.
Д69 Сыщик и канарейка : роман / Алиса Дорн. —
Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. —
(Другие Миры).

ISBN 978-5-17-113021-3

У всего есть две стороны. У города. У дара. У человека. Тихий провинциальный Гетценбург преображается под покровом ночи. Дар становится самым страшным проклятием. А люди...

Блестящий хирург. Детектив полиции. Вzbалмошная аристократка.

У каждого из них свои секреты. И своя темная сторона.

ISBN 978-5-17-113021-3

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А. Дорн, 2019
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2019

ТИХИЕ ВОДЫ

*ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,
в которой доктору напоминают, что провин-
циальные города, равно как и тихие воды, таят
в себе множество опасностей*

Глава 1

Доктор

Чтобы получить представление о семье, достаточно посмотреть, кто приходит к ним на обед. В доме моего отца огромный, способный уместить сорок едоков стол накрывался на три персоны — и только гулкое эхо разносилось под каменными сводами Эльмсбери-холла. У Эйзенхартов разговоры никогда не умолкали. В особняке на набережной бывали гости самых различных профессий и сословий: подруги их дочери и бывшие однокурсники зятя, подчиненные сэра Эйзенхарта, с которыми он проводил совещания во время званных вечеров, приехавшие с визитом родственники, дамы из благотворительного общества, совершенные незнакомцы, которых притаскивал их сын... И, собственно, сам Виктор, вечно опаздывавший к назначенному часу.

— Прости, задержался. Убийство.

Эйзенхарт-младший влетел в обеденную залу, чмокнул мать в щеку и уселся слева от нее, заталкивая салфетку за воротник. Леди Эйзенхарт улыбнулась сыну и укоризненно покачала головой. По мнению супруги на-

чальника городской полиции, убийство не являлось достаточной причиной, чтобы пропустить обед.

— Где Шон? — кротко спросила леди.

— Пришлось оставить Брэма там. Кто-то должен сопроводить тело в морг. Не переживай, — успокоил Виктор мать, пока слуга наливал вино. — Захвачу ему что-нибудь из дома. Голодным ребенок не останется.

«Ребенок», на правах родственника проживавший у Эйзенхартов, был восемнадцатилетним детиной под два метра ростом и с недавних пор — сержантом полиции. Что не мешало леди Эйзенхарт его всячески опекать.

Как, впрочем, и меня.

Стремление окружить заботой всех обездоленных мира сего было в крови у подопечных Мэри-Голубки, покровительницы филантропов и добровольцев.

— Что произошло? — поинтересовался сэр Эйзенхарт.

— Барона Фрейбурга выловили из реки. Мой начальник отправит кого-нибудь к тебе, как только Шон ему доложит. Хотя он может решить, что это и не обязательно. Все равно я тебе расскажу. Алистер, да отдайте, наконец, поднос, я способен положить себе картофель! — Отвоевав у слуги гарнир, Виктор продолжил: — Строго говоря, выловили барона утром. Но это случилось у Кладбища висельников, вне нашей юрисдикции. Пока доставили в местный участок, пока выяснили, кто он... Но труп довольно свежий. Рыбы даже обглодать толком не успели.

Я машинально перевел взгляд на сестру Виктора. Леди Луиза, периодически оглаживавшая большой живот, с любопытством слушала рассказ брата. Не похоже, чтобы ей становилось дурно от подробностей.

— Несчастный случай?

— Точно нет. Увидишь, — ухмыльнулся Виктор, берясь за бокал.

Единственным, кому за столом было не по себе, казался барон Истон, супруг леди Луизы. Мы обменялись понимающими взглядами: два чужака в этой странной семье...

Я познакомился с Эйзенхартами на похоронах родителей. Они погибли внезапно: поместье охватил пожар. Меня спасло, что неделей ранее я вернулся с каникул в интернат.

Стоя у могилы, я не сразу понял, что хотела от меня незнакомая женщина. Отец не разрешал матери поддерживать связь с ее бывшей семьей; я даже не подозревал, что у меня есть тетка. Я тогда подумал, что она одна из многих, кто решил воспользоваться моментом, чтобы попросить об услуге во имя старой дружбы. Но леди Эйзенхарт не стала просить. Вместо этого она обняла меня и пообещала, что больше «бедный мальчик» не останется один.

Добросердечная леди была готова забрать меня к себе, но ее супруг напомнил, что, получив при рождении благословение Змея, патрона врачей и целителей, я имел право на обучение в любом медицинском учебном заведении империи. Я мог отправиться с ними в Гетценбург или поступить в училище для одаренных сирот при Королевской и Императорской военно-медицинской академии. Я выбрал академию.

Долгое время Эйзенхарты оставались для меня именами на поздравительных открытках. После учебы я отправился по распределению в Альсизар. Четвертая колониальная война длилась к тому моменту уже пятый год и постоянно требовала свежей крови. Затем были назначения в Шакрем и Южную Веспасию, и другие... Пока моя карьера не оборвалась. Ранение не позволяло мне больше работать хирургом. Меня отправили на пенсию. В тридцать лет я оказался свободен от службы и дара — и не знал, что с этим делать.

Тогда леди Эйзенхарт снова написала, приглашая посетить их. Прожив несколько месяцев в метрополии и обнаружив, что мне это больше не по карману, я как раз задумывался о переезде и не стал отказываться от ее предложения. А спустя неделю пребывания в гостях наткнулся в «Гетценбургских новостях» на объявление о вакансии ассистента профессора на медицинском фа-

культете с жалованием в тысячу шиллингов в год и бесплатной *garçonnière*¹ в университетском кампусе — и решил откликнуться. Из всех доступных мне теперь видов деятельности этот был самым близким к моей прошлой профессии.

— Кстати, Роберт! — Виктор будто услышал мои мысли. — Как успехи на кафедре танатологии?

— Боюсь, это сложно назвать успехами.

Танатология занималась человеческими воскрешениями. Если духи способны оживить человека, почему этого не может наука? Увы, смерть была поразительно упряма. Созданная на основе исследований Эшенбаха методика позволяла вернуть душу в мертвое тело, но до сих пор ре-сurreкции, произведенные по воле ученых, редко длились более нескольких минут. Другой проблемой была вечная нехватка материала: родственники погибших даже в наш век оставались достаточно суеверны, чтобы запрещать использование тел.

— По сути, до конца месяца мне нечего делать в лаборатории, — признал я.

— Значит, вы не откажетесь помочь полиции?

Просьба Виктора меня удивила: управление редко обращалось на кафедру. Но не насторожила. А зря...

На следующее утро я отправился в университетский морг, куда Виктор пообещал доставить тело. У дверей меня ждал Брэмли, от холода шмыгавший веснушчатым носом. При виде меня он вытянулся по стойке смирно.

— Детектив Эйзенхарт велел мне остаться на случай, если у вас будут вопросы.

Я рассеянно кивнул. Несмотря на то что мы постоянно виделись в доме Эйзенхартов, мне никогда не приходило в голову заговорить с Шоном: разница в возрасте не способствовала общению. Как и его странная привычка робеть при виде меня.

— У меня должны быть вопросы? — коротко поинтересовался я.

¹ Т.н. холостяцкое жилье; квартира-студия, иногда без своей ванной комнаты (*фр.*).

— Никак нет, сэр.

Лицо Брэмли приняло страдальческое выражение, которое я понял, как только откинул простыню с трупа.

— Это шутка?

— Никак нет, сэр, — повторил сержант, старательно не глядя на тело.

В нашем мире, где люди обладают не большей волей, чем марионетки в руках кукловода, духи решают, кому и когда умереть. И хотя это не означает, что человек не может лишиться жизни подобного себе, это приводит к тому, что убить кого-то *окончательно* довольно трудно. Если духи посчитают, что чья-то судьба оборвалась слишком рано, они не погнушаются с помощью своих слуг-дроздов вернуть этого человека — столько раз, сколько потребуется.

Но и духи, и наука бессильны, если человека обезглавить. Как лежавшего на столе мужчину.

— Я не могу оживить труп без головы, — проинформировал я Брэмли. — Даже духи не в состоянии дать ему второй шанс. Как Эйзенхарт это себе представлял?

Молчание было мне ответом.

— Сержант?

Брэмли с мученическим видом поднял глаза к лампочке под потолком.

— Никак, сэр. Детектив Эйзенхарт просит вас сделать повторное вскрытие, — помявшись, он протянул мне картонную папку. — Здесь отчет по первичной аутопсии и медицинская карта барона.

Я не спешил брать бумаги. О таком мы с Виктором не договаривались.

— Эйзенхарту была нужна моя помощь как танатолога.

— О, сэр... — сержант тяжело вздохнул и сделал попытку объяснить мне само собой разумеющееся. — Но ведь этого он не говорил, верно?

Не говорил. Я вспомнил вчерашний вечер. Но ведь Виктор знал, что вынудило меня покинуть фронт. Он должен был понимать, почему я попытаюсь отказаться... И что за-

ставит меня в итоге согласиться. Я прищурил глаза. Похоже, нас с Виктором ожидал долгий разговор.

— Давай папку.

Брэмли поспешил сунуть ее мне в руки, пока я не передумал.

— Еще детектив Эйзенхарт велел сказать, что смотрел ваше расписание на сегодня, — обрадованно протаторил он уже в дверях. — И ждет вас в два часа в кафе «Вест».

Глава 2

Доктор

Кафе «Вест» встретило меня мраморными колоннами и латунной вязью каштановых листьев под потолком. Осмотревшись, я обнаружил Виктора на полукруглом диванчике в углу зала. Перед ним уже стояла тарелка с мясом, которое он поспешно приканчивал. Рядом лежала папка с делом барона. Уплетая обед, Виктор рассматривал фотографии трупа.

— Нет-нет, вы как раз вовремя, это я пришел раньше, — Эйзенхарт перехватил мой взгляд, брошенный на часы. — Простите, что заказал без вас, но такова моя работа: никогда не знаешь, удастся ли поесть.

Проигнорировав протянутую для рукопожатия ладонь, я сел напротив. Тотчас подлетел официант.

— Возьмите мароновый суп и оленину, — отрекомендовал Эйзенхарт, заказывая себе еще кофе.

— Мароновый — это из каштанов?

Ганзеатское наречие, которым жители Лемман-Клива по привычке разбавляли нормальный язык, могло сбить с толку любого приезжего.

— Из чего еще? Вечно забываю, что вы не отсюда и с вами надо говорить на чистом имперском. Ладно, — Виктор отодвинул тарелку. — Похоже, сейчас наступит момент, когда мне придется вас уговаривать. Нужно будет напомнить: несмотря на то что ваша лицензия временно

приостановлена и вам пока нельзя работать с живыми, на мертвых ограничения не распространяются. А если вы способны работать на кафедре, значит, ваши руки в достаточном порядке, чтобы вскрыть мертвеца. Еще можно воззвать к вашему профессионализму. Сказать, что вы видели больше насильственных смертей, чем кто-либо в этом городе. И самое главное, у вас есть дар. Чутье Северина-Змея...

Не дар.

Знаменитое змеиное чутье, талант к медицине, являлся не даром, уникальным для каждого человека и определявшим самую его суть, а склонностью — инклинацией, как ее называют ученые, — свойственной всем, кто родился под звездой Змея. Но я понимал, к чему вел Эйзенхарт.

— Лесть вам не поможет, — сухо предупредил я.

— Это не лесть. Заодно стоит надавить на вашу совесть. Знали бы вы, на что я готов пойти, лишь бы заполучить хорошего эксперта! Это вы в академии постоянно крутились возле лучших. Светила науки, мэтры... В нашей милой северной дыре они на вес золота. Старик Гоф, наш патолог, хорош, но в силу возраста не может работать как прежде. А Ретт... это его помощник... Вы наблюдали студентов на вашем факультете, можете представить себе его уровень.

Мысленно я посочувствовал Виктору. Все, кто находился под покровительством Змея или обладал достаточным умом, чтобы сдать вступительные экзамены, обучались в специализированных медицинских учреждениях. На врачебные факультеты университетов шли остальные: ленивые, глупые, интересовавшиеся жалованием врача больше, чем профессией. То, что Гетценбург, несмотря на статус одного из промышленных центров империи, оставался провинцией, лишь усугубляло ситуацию.

— Кроме того, я мог бы воззвать к вашему гражданскому долгу...

— Вы убеждены, что способны уболтать любого, верно? — с любопытством спросил я, перебивая.

Казалось, этот спектакль одного актера не только не утомил его, но доставлял удовольствие. Виктор пожал плечами, не отрицая.

— Разница лишь в том, сколько времени потребуется. Или скажете, что с вами фокус не пройдет?

— Нет.

— Нет? — переспросил Эйзенхарт, явно прикидывая в уме варианты. — В смысле, вскрытие не проведете?

— Уже провел.

Виктор недоверчиво уставился на меня.

— Я считал, мне понадобится еще минут пятнадцать, чтобы уломать вас. Думал напомнить вам о былых подвигах, о вашей помощи военной полиции...

— Я обязан вашим родителям.

Так же недоверчиво Виктор хмыкнул:

— Дело только в этом?

— Не берите на себя больше, чем сможете взять, — посоветовал я. — И в следующий раз, если вам будет нужна моя помощь, не присылайте вместо себя Шона в надежде, что я из жалости не смогу ему отказать. Приходите сами. И не думайте, что сможете использовать меня вслепую.

— Разумеется, — заверил меня Эйзенхарт.

Не слишком искренне, впрочем. Я достал из кармана портсигар и закурил в ожидании заказа.

— Процессы мацерации только начались, когда барона выловили: на ладонях уже появилась характерная окраска, но разбухание не слишком заметно. Температура воды сейчас должна быть около десяти, максимум двенадцати градусов. Исходя из этого, я полагаю, что труп пробыл в воде не менее восьми, но не более десяти часов. Я бы сказал, барона убили между десятью часами вечера среды и полуночью. Вы будете записывать?

Эйзенхарт кивнул и поспешил достать из кармана пальто блокнот:

— Совпадает с мнением нашего патолога. Как он умер? Я с сомнением посмотрел на детектива.

— Если вы не заметили, ему отпилили голову.

— Да, но каким образом? Фрейбург был здоровым мужчиной, он бы сопротивлялся. Но следов борьбы Ретт не нашел. Его могли обезглавить посмертно?

— Исключено.

Виктор вновь кивнул, сверяясь с записями.

— Значит, его чем-то накачали. Наркотиком или снотворным. Но Ретт не обнаружил ничего в крови. И следа от укола на теле не было.

— Все так, — подтвердил я. — След от инъекции могли повредить, когда тело вытаскивали из воды багром, но вряд ли он был.

— Тогда что? Чем-то надыхался?

— Думаю, препарат попал в организм с едой. Или, скорее, с питьем. Слизистая оболочка пищевода была раздражена.

— Ретт ничего не нашел ни там, ни в желудке. Предположил, что причиной раздражения был алкоголь.

— Погибший много пил? — уточнил я. В медицинских записях об этом не было ни слова.

— Немало. В определенных кругах он был известен разгульным образом жизни, — Виктор внимательно посмотрел на меня. — Ладно, док, колитесь. Я вижу, у вас есть версия.

— Хлороформ.

— Можете это доказать?

— Содержимое желудка указывает на то, что барон умер спустя час-два после последнего приема пищи. Хлороформ быстро выводится из организма, и его концентрация в крови или на слизистых могла к тому времени быть слишком низкой для обнаружения. Вероятно, именно поэтому ваш специалист ничего не нашел. Но анализ жировых тканей печени показал другие результаты.

Я хотел было сказать, что удивлен, почему полицейский патолог не провел анализ, но вспомнил замечание Эйзенхарта о местных студентах, и многое стало понятно.

— Значит, кто-то подлил лорду Фрейбургу хлороформ в вечерний чай...

— В спиртное, которое тот выпил за ужином, — поправил я Эйзенхарта. — Хлороформ бесследно растворяется в этаноле, но не в воде. Сладкий бренди после ужина или гайст¹, чтобы скрыть привкус.

Виктор кинул на меня странный взгляд.

— Вечно забываю, что змеи все воспринимают буквально. Значит, кто-то подлил барону хлороформ в бренди, после чего оттащил на лесопилку, где лишил его головы... В чем я теперь не прав?

Я вынул одну из фотографий из-под руки Эйзенхарта и указал на нее.

— Посмотрите на срез. Для дерева используют пилы с крупными зубьями. Ими получается пилить гораздо быстрее, но они оставляют после себя грубый пропилен с рваными краями. В вашем случае срез почти идеален. Даже ножовка для металла оставила бы более заметные следы. Это сделали не на лесопилке.

— Тогда где?

— В больнице, морге... На скотобойне.

— На скотобойне, говорите, — Виктор вздохнул. — Дело понятнее не становится.

Наконец мне принесли суп, и я отвлекся на еду. Однако не настолько, чтобы не заметить, как мой собеседник нервно тарабанит пальцами по столу.

— Рассказывайте, — велел я. — Ваша очередь.

Он будто ждал моего сигнала.

— Барон Ульрих Эдуард Фрейбург — последний из своего рода...

— Кстати говоря, как его опознали?

Этот вопрос интересовал меня с тех пор, как я откинул простыню с трупа. Голову ведь так и не нашли. Особых примет на теле не было.

— При нем остались все его вещи, кроме фамильного перстня. Письма и визитные карточки размокли, но на визитнице была гравировка, а на одежде — именные метки. В личности у нас сомнений нет, — пояснил Эйзенхарт

¹ От нем. Geist; в данном случае — крепкий спиртной напиток на основе ягод.

и вернулся к рассказу. — Как я упомянул, барон — последний из Фрейбургов. Братьев и сестер у него нет, отец погиб вскоре после его рождения, мать умерла около двух лет назад. Родился и вырос в Гетценбурге. Последние пять лет провел в кабаках, опиумных денах, борделях, подпольных казино и на скачках. Назовите любой порок и попадете в точку. Само собой, с таким образом жизни он обзавелся бородой из долгов. Еще немного, и барону пришлось бы заложить родовое поместье. Хотя, поверьте на слово, это его не спасло бы. Пусть он из древнего рода, но богатство ушло из их семьи еще до его рождения, — Эйзенхарт задумчиво поболтал остатками кофе в чашке. — В общем, положение его было крайне неблагополучным, пока он не решил остепениться. Примерно полгода назад он объявил о помолвке с леди Эвелин Гринберг.

— Знакомое имя, — отметил я.

— В каком банке вы держите деньги, док? Лично я, да и большинство жителей нашего славного герцогства, — в «Гринберг и сыновья». Которым владеет отец леди Эвелин, барон Гринберг.

— Из новой крови, полагаю?

Баронские роды, как правило, делились на два вида: старые и бедные либо же богатые и купившие титул при последнем императоре.

— Как ни странно, из старой. Но недавно разбогатевшей. Даже вы должны были слышать ту историю про дедушку леди Эвелин. Нет? Ее дед по молодости влюбился в первую красавицу герцогства. Но, увы, был беден как мышь. Поэтому ее отец Гринбергу отказал. Тогда предыдущий барон поступил не свойственным для аристократа образом: продал имение, городской дворец, все, что осталось от благородных предков, и уплыл торговать. Не знаю, было дело в удаче, хватке или даре, но меньше чем за десяток лет его компания превратилась в финансовую империю, а он сам — в одного из богатейших людей страны. Ну и вернулся, само собой. Женился... Однако не будем отвлекаться. Леди Эвелин — младшая дочь нынешнего барона Гринберга и, как вы догадались, завидная невеста.